

Алан Брэдли
Копченая селедка без горчицы. О,
я от призраков больна (сборник)
Серия «Тайны Букшоу», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606982
Копченая селедка без горчицы. О, я от призраков больна (сборник): АСТ; М.: 2014
ISBN 978-5-17-082850-0

Аннотация

В старинном английском поместье Букшоу – одном из тех сонных и тихих мест, которые постоянно, словно по волшебству, притягивают разные неприятности и происшествия, – живут эксцентричный полковник де Люс и три его дочери.

Пока полковник лихорадочно ищет способы спасти семью от разорения, распродавая коллекцию марок и фамильное столовое серебро, его младшая дочка, неугомонная умница Флавия, обнаруживает труп: кто-то, явно не лишённый цинизма и чувства юмора, повесил местного прохиндея Бруки Хейрвуда на трезубце фонтана. Действуя параллельно с упёртым инспектором Хьюиттом, вездесущая крошка-сыщица раскрывает ужасное преступление.

Тем временем отец семейства отдаёт Букшоу в аренду для съёмок кинофильма, но не проходит и двух суток, как пронырливая Флавия находит исполнительницу главной роли и любимицу публики Филлис Уиверн мёртвой... Пока неповоротливые полицейские ведут расследование, наша не по годаммышлёная мисс де Люс проникает в сокровенные тайны кинозвезды и находит убийцу – а ещё планирует акцию по захвату Деда Мороза, готовит самый масштабный фейерверк в истории Букшоу и обнаруживает новые скелеты в прошлом своей необыкновенной семейки.

«Копчёная селедка без горчицы» и «О, я от призраков больна» – две захватывающие истории о пытливейшей искательнице приключений Флавии де Люс под одной обложкой!

Содержание

Копченая селедка без горчицы	4
1	4
2	12
3	20
4	27
5	34
6	38
7	43
8	50
9	55
10	61
11	67
12	72
13	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Алан Брэдли

Копченая селедка без горчицы. О, я от призраков больна (сборник)

Копченая селедка без горчицы

*...кружка эля без девичьи – что ж, увы, это все равно что яйцо
без соли или копченая селедка без горчицы.*

Томас Лодж и Роберт Грин, «Зеркало для Лондона и Англии» (1592 г.)

1

– Ты меня пугаешь, – сказала цыганка. – Никогда не видела, чтобы мой хрустальный шар наполнялся таким мраком.

Она накрыла шар ладонями, словно чтобы защитить мои глаза от ужасов, плавающих в темных глубинах. Когда ее пальцы стиснули стекло, мне показалось, что по моему пищеводу прокатилась струйка ледяной воды.

На краю стола мерцала тонкая свеча, ее нездоровый свет падал на покачивающиеся медные кольца-сережки цыганки, отражаясь, чтобы умереть где-то в затемненных углах палатки.

Черные волосы, черные глаза, черное платье, наруганные щеки, красный рот и голос, который мог так охрипнуть только после выкуривания полумиллиона сигарет.

Словно чтобы подтвердить мои подозрения, старуху внезапно скрутил приступ жестокого кашля, сотрясшего ее хрупкое тело и заставившего ее ужасно задыхаться в попытках вдохнуть. Казалось, будто в ее легких застряла огромная птица и теперь хлопает крыльями, пытаясь вырваться.

– Вам плохо? – спросила я. – Я схожу за помощью.

Кажется, я видела доктора Дарби на церковном празднике минут десять назад, он ходил от лотка к лотку, чтобы перекинуться с каждым парой слов. Но не успела я двинуться, как смуглая рука накрыла мою на черном бархате скатерти.

– Нет, – сказала она. – Нет... не надо. Это у меня постоянно.

И снова закашлялась.

Я терпеливо ждала, почти боясь шелохнуться.

– Сколько тебе лет? – наконец сказала цыганка. – Десять? Двенадцать?

– Одиннадцать, – ответила я, и она устало кивнула с таким видом, будто и так знала.

– Я вижу... гору, – продолжила она, выдавливая слова, – и лицо... женщины, которой ты станешь.

Несмотря на удушающую жару в темной палатке, моя кровь похолодела. Она видит Харриет, конечно же!

Харриет – моя мать, погибшая из-за несчастного случая в горах, когда я была совсем маленькой.

Цыганка перевернула мою ладонь и больно ткнула большим пальцем в самый центр. Мои пальцы развернулись и снова сжались, словно отрубленная ножка цыпленка.

Она взяла мою левую руку.

– Это рука, с которой ты родилась, – сказала она, едва глянув на ладонь, затем уронила ее и подняла другую руку, – ...а это рука, которая меняется с тобой.

Гадалка с неприязнью смотрела на мою руку в свете мерцающей свечи.

– Вот эта разорванная звезда на холме луны указывает на блестящий ум, обращенный сам в себя, ум, блуждающий по дорогам мрака.

Не то, что я хотела услышать.

– Расскажите мне о женщине, которую вы видели на горе, – попросила я. – О той, кем я стану.

Цыганка снова начала кашлять, кутаясь в шаль, наброшенную на плечи, как будто укрываясь от ветра.

– Посеребри руку, – потребовала она, протягивая грязную ладонь.

– Но я дала вам шиллинг, – возразила я. – Как написано на табличке снаружи.

– Послания из Третьего Круга стоят дороже, – прохрипела она. – Они опустошают батареи моей души.

Я чуть не расхохоталась. Кем себя возомнила эта старая ведьма? Однако она, кажется, заметила Харриет за вуалью, и я не могу позволить скептицизму взять верх над возможностью перемолвиться хоть словечком с моей покойной матерью.

Я покопалась в поисках последнего шиллинга, и, когда я вдавила монету в ее ладонь, темные глаза цыганки, внезапно заблестевшие, как у галки, уставились в мои.

– Она пытается вернуться домой, – сказала она. – Эта... женщина... пытается вернуться домой из холода. Она хочет, чтобы ты помогла ей.

Я вскочила на ноги, сильно ударившись голыми коленями о столешницу. Стол покачнулся и повалился набок, свеча покатилась и упала на ком мятых грязных занавесок.

Сначала появился маленький огненный язычок. Он мгновенно превратился в пламя. В ту же секунду пламя посинело, затем покраснело и быстро стало оранжевым. Я в ужасе смотрела, как оно распространяется по занавескам.

В считанные секунды запылала вся палатка.

Жаль, что у меня не хватило присутствия духа, чтобы набросить мокрую тряпку на голову цыганке и вывести ее в безопасное место. Вместо этого я бросилась прямо сквозь кольцо огня, в которое превратился вход, и не остановилась, пока не добежала до какой-то палатки, возле которой притормозила, задыхаясь и пытаясь совладать с дыханием.

Кто-то принес на церковный двор заведенный граммофон, из которого доносился голос Дэнни Кея¹, которому труба граммофона придала тошнотворно металлические нотки:

*Oh I've got a lovely bunch of coconuts.
They are a-standin' in a row
Big ones, small ones, some as big as yer 'head...²*

Я оглянулась на палатку цыганки как раз в тот момент, когда мистер Гаскинс, церковный сторож Святого Танкреда, и еще один человек, которого я не узнала, опрокинули бочонок с водой на языки пламени.

Чуть ли не половина жителей Бишоп-Лейси глазели на вздымающийся столб черного дыма, прикрывая рты ладонями или прикасаясь кончиками пальцев к щекам, и ни единый из них не знал, что делать.

Доктор Дарби уже медленно вел цыганку к палатке госпиталя Святого Джона, ее дряхлый скелет сотрясался от кашля. Какая она маленькая на солнце, подумала я, и какая бледная.

---

¹ Дэнни Кей (1913—1987) – американский актер, певец и комик. (Здесь и далее прим. перев.)

² О, у меня есть славная куча кокосов. Они стоят рядом, Большие, маленькие, некоторые размером с голову...

– Ах вот ты где, гнусная маленькая креветка. Мы тебя повсюду искали.

Это Офелия, старшая из моих двух сестер. Фели семнадцать, и она считает себя не ниже Пресвятой Девы Марии, хотя я готова побиться об заклад, что главное отличие между ними заключается в том, что Дева Мария не проводила двадцать три часа в сутки, разглядывая себя в зеркале и обрабатывая физиономию пинцетом.

Когда имеешь дело с Фели, лучше всего быстро парировать резким замечанием:

– Как ты осмеливаешься называть меня креветкой, ты, глупая сосиска? Отец не раз говорил тебе, что это невежливо.

Фели попыталась схватить меня за ухо, но я легко уклонилась. Жизненные обстоятельства научили меня совершать молниеносные движения, и я практически довела это умение до совершенства.

– Где Даффи? – спросила я, надеясь переключить ее злобное внимание.

Даффи – моя вторая сестра, на два года старше меня, в тринадцать лет она уже опытная мучительница.

– Пускает слюни на книги. Где же еще?! – Сестра указала подбородком на подкову из столов, расставленных на траве церковного кладбища, где Алтарная гильдия и Женский институт Святого Танкреда объединили силы, дабы устроить благотворительную распродажу подержанных книг и разнообразного хозяйственного барахла.

Фели, похоже, не обратила внимания на дымящиеся остатки палатки цыганки. Как всегда, из тщеславия она оставила очки дома, хотя ее невнимательность может объясняться просто недостатком интереса. Из практических соображений энтузиазм Фели не простирался дальше ее кожи.

– Посмотри сюда, – сказала она, поднося черные сережки к ушам. Она не могла удержаться, чтобы не похвастаться. – Французский черный янтарь. Из поместья леди Троттер. Гленда говорит, что им повезло выручить за него шестипенсовик.

– Гленда права, – заметила я. – Французский черный янтарь – это просто стекло.

Это правда: я недавно растворила жуткую викторианскую брошь у себя в химической лаборатории и обнаружила, что это сплошной кремний. Вряд ли Фели оставит это просто так.

– Английский янтарь намного интереснее, – продолжила я. – Он состоит из окаменевшей смолы араукарии чилийской, видишь ли, и...

Но Фели уже уходила, привлеченная видом Неда Кроппера, рыжеволосого помощника трактирщика из «Тринадцати селезней», который с определенной мускулистой грацией энергично бросал деревянные палки в «тетю Салли». Его третья палка расколола глиняную трубку деревянной фигуры на две равные части, и Фели оказалась рядом с ним как раз вовремя, чтобы заполучить призового медвежонка, которого ей вручил ужасно краснеющий Нед.

– Есть что-нибудь, стоящее спасения от костра? – спросила я у Даффи, прилипшей к тому, что, судя по пожелтевшим страницам, могло оказаться первым изданием «Гордости и предубеждения».

Хотя маловероятно. Целые библиотеки шли в утиль во время войны, и нынче мало что осталось для благотворительных распродаж. То, что не продадут до конца летнего сезона, в Ночь Гая Фокса³ вынесут из подвала приходского зала, свалят на траву и сожгут.

Я склонила голову набок и бросила быстрый взгляд на кучу книг, уже отложенных Даффи: «На санях и лошадях к отверженным сибирским прокаженным»⁴, «Естественная

---

³ 5 ноября – в этот день в Англии празднуют провал Порохового заговора, когда католики-заговорщики планировали взорвать парламент.

⁴ «На санях и лошадях к отверженным сибирским прокаженным» – мемуары английской медсестры Кэт Марсен, которая в 1891 году совершила труднейшее путешествие в Сибирь, где ухаживала за прокаженными.

история» Плиния, «Мученичество человека»⁵ и первые два тома мемуаров Джакомо Казановы – жуткая мура. Разве что за исключением Плиния, написавшего пару потрясных абзацев о ядах.

Я медленно шла вдоль стола, проводя пальцем по книгам, расставленным корешками вверх: Этель Делл, Э. Делафильд, Уорвик Дипинг⁶...

Как-то раз я заметила, что фамилии большинства великих отравителей начинались с английской буквы «С», а теперь все эти писатели начинаются на «Д». Я опять кое-что нащупала? Некую тайну вселенной?

Я зажмурилась и сосредоточилась: Диккенс... Дойл... Дюма... Достоевский – я видела их всех в то или иное время в руках Даффи.

Сама Даффи собиралась стать писательницей, когда вырастет. С именем Дафна де Люс у нее не было шансов потерпеть неудачу!

– Даффи! – начала я. – Ни за что не догадаешься...

– Тихо! – рявкнула она. – Я же велела тебе не говорить со мной, когда я читаю.

Моя сестра бывает весьма противной свиньей, когда захочет.

Так было не всегда. Когда я была маленькой, например, и отец рекрутировал Даффи следить, чтобы я молилась на ночь, она научила меня читать молитвы на испорченной латыни, и мы катались на плотно набитых подушках, смеясь до упаду.

Но с годами между моими сестрами и мной что-то изменилось.

Немного обиженная, я потянулась к томику, лежащему наверху стопки, – «Зеркалу для Лондона и Англии». Эта книга, подумала я, понравится Фели, потому что она сходит с ума по зеркалам. Может, я сама ее куплю и сохраню до того маловероятного дня, когда мне может захотеться сделать ей подарок или приношение в знак мира. Случались и более странные вещи.

Листая страницы, я сразу же увидела, что это не роман, а пьеса с именами персонажей и их репликами. Кто-то по имени Адам разговаривал с клоуном:

«...кружка эля без девицы – что ж, увы, все равно что яйцо без соли или копченая селедка без горчицы».

Какой прекрасный девиз для кое-кого, подумала я, бросая взгляд туда, где Нед слегка прикасался губами к шее моей сестры, а она делала вид, что не замечает. Не раз я видела, как Нед занимается работой по хозяйству во дворе «Тринадцати селезней» с высокой пивной кружкой, наполненной элем, – а временами еще и рядом с Мэри Стокер, дочерью хозяина. С неожиданным изумлением я осознала, что без эля или женщины поблизости Нед кажется каким-то неполным. Почему я раньше этого не замечала? Возможно, словно доктор Ватсон по радио в «Богемском скандале», временами я смотрю, но не вижу. Это надо осмыслить.

– Твоя работа, полагаю? – внезапно сказала Даффи, отложив одну книгу и взяв другую. Она указала в сторону кучки деревенских жителей, глазевших на дымящиеся руины палатки цыганки. – Там будто написано, что это Флавия де Люс.

– Иди к черту, – заявила я. – Я собиралась помочь тебе отнести твои дурацкие книжонки домой, но теперь будешь переть их на себе.

---

⁵ «Мученичество человека» – самый известный труд британского философа и антрополога Уильяма Риди (1838—1875), в котором он излагает историю западной цивилизации.

⁶ Этель Делл (1881—1939) – английская писательница, автор большого количества низкопробных любовных романов, весьма обожаемых ее неудовлетворенными современниками, но ненавидимых критикой. Э. Делафильд (1890—1943) – еще одна весьма плодовитая английская писательница, прославившаяся благодаря «Дневнику провинциальной леди». Уорвик Дипинг (1877—1950) – английский романист и автор коротких рассказов, специализировался преимущественно на исторических любовных романах.

– О, прекрати! – сказала она, хватая меня за рукав. – Будь добра, воздержись. Струны моего сердца играют «Реквием» Моцарта, и предательская слеза выступила на правом глазу во время нашего разговора.

Я побрела в сторону, беззаботно насвистывая. Разберусь с ее дерзостью позже.

– О! Перестань, Бруки! Мне больно!

Ноющий голос доносился откуда-то со стороны церкви, и если держаться за лотерейным киоском, то можно подслушивать в безопасности. Более того, я, к своему удовольствию, обнаружила, что имею неожиданно хороший обзор сквозь дыру в грубой древесине киоска.

Колин, которого держал за руки Бруки Хейрвуд, приплясывал, словно большая рыбина в очках, толстые стекла косо сидели на носу, грязные светлые волосы всклокочены, крупный влажный рот приоткрыт, словно от нехватки воздуха.

– Уйди, я ничего не делал.

Второй рукой Бруки схватил Колина за заднюю часть мешковатых брюк и повернул лицом к дымящимся остаткам цыганской палатки.

– Кто тогда это сделал, а? – требовательно спросил он, дергаясь всем телом, чтобы подчеркнуть слова. – Где дым, там огонь. Где огонь, там спички. А где спички, там Колин Праут.

– Вот, – сказал Колин, пытаясь запихнуть руку в карман. – Пересчитай! Ты просто сосчитай, Бруки. То же количество, что вчера. Я не использовал ни единой.

Когда Бруки выпустил его, Колин упал на землю, перекатился на живот, залез в карман и достал коробок спичек, помахав им перед своим мучителем.

Бруки поднял голову и принялся, словно в поисках указаний. Грязная кепка и каучуковые сапоги, длинное молескиновое пальто и, несмотря на теплую летнюю погоду, шерстяной шарф, обвинивший его бульдожьей шеей, словно алая змея, придавали ему вид крысолова из романа Диккенса.

Не успела я подумать, что делать, как Колин поднялся на ноги, и они оба неторопливо пошли по церковному кладбищу, Колин отряхивался и усердно пожимал плечами, будто ему ни до чего нет дела.

Полагаю, мне следовало бы выйти из-за киоска, признаться, что я виновата в пожаре, и потребовать, чтобы Бруки отпустил мальчика. Если бы он отказался, я бы легко могла сбегать за викарием или позвать кого-то из крепких мужчин в пределах слышимости. Но я этого не сделала. По простой причине, которую я осознала с легким холодком: я боюсь Бруки Хейрвуда.

Бруки – отброс общества в Бишоп-Лейси.

– Бруки Хейрвуд? – презрительно фыркнула Фели, когда миссис Мюллет предложила нанять Бруки, чтобы он помогал Доггеру засеивать огород и подстригать изгороди в Букшоу. – Но он же эмигрант на пособии, разве не так? За наши жизни никто не даст и двух пенсов, если он будет тут шататься.

– Что значит эмигрант на пособии? – спросила я, когда Фели вылетела из кухни.

– Не знаю, детка, – ответила миссис Мюллет. – Его мать – та леди, что рисует в Мальден-Фенвике⁷.

– Рисует? – переспросила я. – Красит дома?

– Дома? Господь с тобой. Нет, кувшины там всякие. Господь верхом на лошадях. Может, даже когда-нибудь и вас нарисует. Тебя, мисс Офелию и мисс Дафну.

---

⁷ Фели, видимо, имела в виду, что Бруки живет за счет матери. Эмигрант на пособии (*remittance man*) – специальный термин в Англии (*теперь устаревший*), обозначающий эмигрантов, которые жили на пособие, присылаемое с родины.

При этих словах я пренебрежительно фыркнула и вылетела из кухни. Если меня соберутся нарисовать маслом, покрыть лаком и поставить в раму, я буду позировать только в лаборатории и ни в каком другом месте.

Окруженная мензурками, стеклянными колпаками и коническими колбами Эрленмейера, я подниму нетерпеливый взгляд от микроскопа, примерно так, как мой покойный двоюродный дедушка Тарквин де Люс на своем портрете, висящем в галерее Букшоу. Как дядя Тар, я приму раздраженный вид. Никаких лошадей и господ, нет уж, спасибо.

Легкая пелена дыма до сих пор висела над церковным кладбищем. Теперь, когда большинство зевак ушли, обугленные, тлеющие остатки палатки были хорошо видны рядом с тропинкой. Но меня интересовало не столько это пепелище, сколько то, что находилось за ним – ярко разрисованный цыганский фургон.

Масляно-желтый, с малиновыми ставнями, речными боками, под нависающей закругленной крышей, он казался буханкой хлеба, вылезшей из формы для выпечки. От веретенообразных желтых колес до изогнутого жестяного дымохода, от цветных окон до затейливых резных деревянных консолей по каждую сторону двери, он словно с грохотом выкатился из сна. В довершение всего среди покосившихся надгробий в дальнем конце церковного кладбища живописно пасся дряхлый конь с искривленной спиной.

Цыганская порода. Я узнала ее сразу же по фотографиям, которые видела в «Сельской жизни». Из-за пушистых ног и хвоста и длинной гривы, свешивающейся на морду (из-под которой он жеманно косился, словно Вероника Лейк), жеребец выглядел гибридом клайдсейла⁸ и единорога.

– Флавия, детка, – раздался голос за моей спиной. Это был Дэнвин Ричардсон, викарий Святого Танкреда. – Доктор Дарби будет тебе очень обязан, если ты сбегаешь и принесешь ему кувшин свежего лимонада из кухни.

Мой сердитый взгляд, должно быть, заставил его почувствовать себя виноватым. Почему так, почему с одиннадцатилетними девочками вечно обращаются как со служанками?

– Я бы сам сходил, видишь ли, но добрый доктор опасается, что бедняжку оттолкнет мой пасторский воротник и тому подобное, так что...

– С удовольствием, викарий, – жизнерадостно сказала я, и вполне искренне. Роль носительницы лимонада даст мне доступ в палатку «скорой помощи» Святого Джона.

Я вприпрыжку вбежала в кухню приходского зала («Простите! Медицинская необходимость!»), выскочила с кувшином ледяного лимонада и была уже в тусклом свете госпитальной палатки, наливая напиток в треснувший бокал без ножки.

– Надеюсь, вы в порядке, – сказала я, протягивая его цыганке. – Простите за палатку. Я заплачу, разумеется.

– Ммм, – произнес доктор Дарби. – Нет необходимости. Она уже объяснила, что это был несчастный случай.

Жуткие покрасневшие глаза женщины осторожно наблюдали за мной, пока она пила.

– Доктор Дарби, – сказал викарий, просовывая голову между полотнищами палатки, словно черепаха, и стараясь не показать пасторский воротник. – Найдется у вас минутка? Миссис Пизли на площадке для кегельбана... Говорит, что почувствовала себя плохо.

– Ммм, – отозвался доктор, закрывая свой черный чемоданчик. – Что вам требуется, милая, – сказал он цыганке, – так это хороший отдых. – И обратился ко мне: – Побудь с ней. Я ненадолго. А дождя так и нет, – заметил он в никуда, выходя из палатки.

– Я заплачу за палатку, – повторила я. – Пусть даже это несчастный случай.

---

⁸ Порода лошадей-тяжеловозов.

Она снова закашлялась, и даже мне было очевидно, что пожар собрал свою дань с ее и без того слабых легких. Я беспомощно ждала, когда она перестанет задыхаться.

Когда, наконец, это произошло, снова повисло долгое нервирующее молчание.

– Женщина, – сказала цыганка. – Женщина на горе. Кто она?

– Это была моя мать, – ответила я. – Ее звали Харриет де Люс.

– А гора?

– Где-то в Тибете, полагаю. Она погибла там десять лет назад. Мы нечасто говорим об этом в Букшоу.

– Что точное «букшоу»?

– Это место, где я живу. Рядом с деревней, – объяснила я, неопределенно махнув рукой.

– А! – сказала она, уставившись на меня пронзительным взглядом. – Большой дом. С двумя крыльями, уходящими назад.

– Да, он, – согласилась я. – Неподалеку от излучины реки.

– Да, – сказала женщина. – Я там останавливалась. Но не знала, как называется место. Останавливалась там? Я не могла поверить.

– Леди разрешила моему рому и мне разбить лагерь в роще у реки. Ему требовалось отдохнуть...

– Я знаю, где это, – сказала я. – Это называется Изгороди. Там старые кусты и...

– Ягоды, – добавила она.

– Но постойте! – воскликнула я. – Леди? В Букшоу нет никаких леди с тех пор, как погибла Харриет.

Цыганка продолжала, как будто не слышала моих слов:

– Красивая леди, вот какой она была. Но похожа на тебя, – добавила она, рассматривая меня вблизи, – теперь, когда вижу тебя на свету.

Затем ее лицо омрачилось. То ли это мое воображение, то ли ее голос наливается силой с каждым словом.

– Затем нас вышвырнули, – сердито сказала она. – Сказали, что больше не хотят, чтобы мы были там. Тогда-то и умер Джонни Фаа.

– Джонни Фаа?

– Мой ром. Муж. Умер посреди пыльной дороги, хватаясь за грудь и проклиная гаджо – англичанина, – который прогнал нас.

– И кто это был? – спросила я, со страхом предчувствуя ответ.

– Не спрашивала его имени. Прямой, словно аршин проглотил, негодяй.

Отец! Я уверена! Это отец после гибели Харриет выставил цыган из своего поместья.

– А Джонни Фаа, ваш муж... он умер из-за этого, вы говорите?

Цыганка кивнула, и по печали в ее глазах я поняла, что это правда.

– Потому что ему надо было отдохнуть?

– Надо было отдохнуть, – шепотом повторила она, – и мне тоже.

И тогда меня осенило. Не успела я передумать, как выпалила:

– Вы можете прийти в Букшоу. Оставайтесь сколько хотите. Все будет хорошо... обещаю.

Произнося эти слова, я знала, что грядет великая ужасная ссора с отцом, но почему-то это не имело значения. Харриет однажды предоставила этим людям убежище, и моя кровь вряд ли позволит мне поступить иначе.

– Мы припаркуем ваш фургон в Изгородах, – предложила я, – в кустах. Никто не узнает, что вы там.

Ее быстрые черные глаза изучали мое лицо. Я, желая подбодрить, протянула ей руку.

– Ммм, давай, милая. Отдых будет очень кстати. – Это был доктор Дарби, тихо проскользнувший обратно в палатку. Он едва заметно подмигнул мне. Доктор был старым дру-

гом отца, и я знала, что он тоже предвидит неизбежную битву. Он мысленно обзрел поле и взвесил шансы, перед тем как заговорить. Мне захотелось обнять его.

Он поставил черный чемоданчик на стол, покопался в его недрах и достал заткнутую пробкой бутылку.

– Принимайте это от кашля, когда будет нужно, – сказал он, протягивая бутылку цыганке. Она с сомнением посмотрела на нее. – Ну да, – он настаивал, – берите. Страшное невезение преследует того, кто отказывает лицензированному практикующему врачу, знаете ли. Я помогу с лошадью. У меня она когда-то была.

Теперь, когда он снова занялся рутинным делом старого сельского доктора, я поняла, что мы вне подозрений.

Группки людей наблюдали, как доктор провожал нас к фургону. Быстро он запряг коня цыганки в упряжку, и мы обе уселись на деревянную подставку, служившую одновременно подножкой к двери и сиденьем для кучера.

Старуха цокнула, и деревенские жители расступились в стороны, когда фургон тронулся с места и медленно покатился по тропинке через церковное кладбище. Со своего высокого места я видела множество поднятых вверх лиц, но Фели и Даффи среди них не было.

Хорошо, подумала я. Вероятнее всего, они сидят в какой-нибудь палатке, перемазав свои тупые физиономии сконсами и взбитыми сливками.

2

Мы громыхали по центральной улице, вымощенной булыжником.

– Как его зовут? – спросила я, показывая на дряхлую клячу.

– Грай.

– Грей?

– Грай. «Конь» по-цыгански.

Я припрятала этот странный клочок знаний на будущее, с нетерпением ожидая, когда смогу вывалить его перед сестрой-всезнайкой Даффи. Разумеется, она притворится, что и раньше знала.

Должно быть, грохот, производимый нашей ездой, заставил мисс Кул, деревенскую разносчицу новостей, подбежать к витрине ее кондитерской лавки. Когда она увидела меня рядом с цыганкой, ее глаза расширились, и она прикрыла рот рукой. Несмотря на толстое зеркальное стекло в окнах ее магазина и разделявшую нас улицу, я почти услышала, как у нее перехватило дыхание. Зрелище того, как младшую дочь полковника Хэвиленда де Люса увозят в цыганском фургоне, как бы весело он ни был раскрашен, должно быть, стало для нее ужасным шоком.

Я помахала рукой, смешно растопырив пальцы веником, как будто говоря: «Как весело!» Чего я хотела на самом деле, так это вскочить на ноги, принять соответствующую позу и заорать какую-нибудь бодрую песню вроде тех, что всегда звучат в музыкальных фильмах, но я подавила желание и удовлетворилась ужасной улыбкой и прищелкиванием пальцев.

Новость о моем похищении скоро запорхает повсюду, словно птица, выпущенная в соборе. Деревни – они такие, и Бишоп-Лейси не исключение.

«Мы все живем в одном ботинке, – любила говорить миссис Мюллет, – в точности как старая матушка Хаббард⁹».

Резкий кашель вернул меня к реальности. Цыганка согнулась пополам, прижимая руки к ребрам. Я забрала у нее поводья.

– Вы приняли лекарство, которое дал вам доктор? – спросила я.

Она отрицательно покачала головой, и ее глаза вспыхнули двумя красными угольями. Чем скорее я доставлю этот фургон в Изгороди и эта женщина сможет лечь в кровать, тем лучше.

Теперь мы проезжали мимо «Тринадцати селезней» и Коровьего переулка. Чуть дальше на восток дорога поворачивает к Доддингсли. До Букшоу и Изгородей еще долго ехать.

Сразу за последним рядом домов узкая тропинка, которую местные называют Канавой, уходит под углом направо – просевшая в землю каменистая дорога окаймляла западный склон холма Гуджер и срезала путь через поля к южному углу Букшоу и Изгородям. Почти не думая, я потянула поводья и направила голову Грая в сторону узкой тропинки.

После относительно гладкой четверти мили фургон начал опасно крениться. Мы ехали, подпрыгивая на острых камнях, и путь становился все более узким и колеистым. По бокам были высокие насыпи, оплетенные вышедшими на поверхность спутанными корнями старых деревьев, так что как бы фургон ни качался, он не мог опрокинуться.

Прямо перед нами, словно шея гигантского зеленого лебедя, над дорогой выгнулась опутанная мхом огромная ветка древнего бука. Под ней едва можно было проехать.

---

⁹ Миссис Мюллет имеет в виду знаменитый детский стишок о матушке Хаббард и ее псе, очень популярный в Англии XIX века.

– Воровской насест, – рассказала я. – Здесь разбойники с большой дороги когда-то захватывали почтовые кареты.

Цыганка ничего не ответила, похоже, ей было неинтересно. А по мне, выражение «воровской насест» было очаровательным образчиком местного фольклора.

В XVIII веке Канава была единственной дорогой между Доддингсли и Бишоп-Лейси. Заносимая снегами зимой, затопляемая потоками воды весной и осенью, она приобрела сохранявшуюся вот уже двести лет репутацию довольно неприятного места, если не сказать опасного.

«Населенная призраками истории» – так однажды сказала мне Даффи, нанося ее на карту Букшоу и окрестностей, которую она рисовала.

С такого рода рекомендацией Канава должна была бы стать одним из моих любимых мест в Бишоп-Лейси, однако нет. Только один раз я почти целиком проехала ее на «Глэдис», моем верном велосипеде, когда особенное тревожное ощущение в затылке заставило меня оглянуться. День был мрачный, дул сильный порывистый ветер, лил ледяной дождь, и низко нависли тучи, в такой день...

Цыганка выхватила поводья у меня из рук и резко дернула.

– Тпру! – хрипло крикнула она и заставила лошадь остановиться.

Высоко на увитой мхом ветке восседал ребенок, решительно засунув палец в рот.

По рыжим волосам я определила, что это один из Буллов.

Цыганка перекрестилась и пробормотала что-то вроде «Хильда Мюир».

– Джа! – добавила она, щелкая поводьями. – Джа!

Грай струнул фургон с места. Когда мы медленно проезжали под веткой, ребенок опустил ноги и забарабанил пятками по крыше фургона, издавая жуткие гулкие звуки.

Будь моя воля, я бы залезла наверх и как минимум устроила бы маленькому поросенку хорошую выволочку. Но один взгляд на цыганку научил меня, что временами лучше молчать.

Грубые кусты ежевики цеплялись за фургон, подпрыгивающий и качающийся из стороны в сторону, но цыганка, казалось, ничего не замечала.

Она ссутулилась над поводьями, решительно уставившись водянистыми глазами куда-то за горизонт, как будто здесь и сейчас осталась только ее оболочка, а остальное скрылось в каком-то далеком туманном краю.

Дорога чуть-чуть расширилась, и через секунду мы медленно проехали мимо полуразрушенного частокола. За ним находился обветшалый дом, который, казалось, был собран из выброшенных дверей и старых ставней, по засыпанному песком огороду был разбросан всякий хлам, в том числе допотопная печь, старомодная детская коляска с двумя недостающими колесами, большое количество ископаемых автомобилей, и все вокруг устилал слой пустых жестянок. Там и сям грудились покосившиеся строения – навесы, сколоченные из сгнивших, заросших мхом досок, рассыпаны пригоршни гвоздей.

Над этим всем висела серая пелена едкого дыма, поднимающаяся от множества тлеющих куч мусора, из-за чего это место напоминало жуткий ад с гравюр викторианской Библии. В ванне посередине грязного двора сидел маленький ребенок, он вынул палец изо рта, как только увидел нас, и разразился громким ревом.

Все казалось покрытым ржавчиной. Даже рыжие волосы ребенка усиливали впечатление, что мы заблудились в незнакомой, пришедшей в упадок земле, где царило окисление.

Окисление, я никогда не уставала напоминать себе, – это то, что происходит под воздействием кислорода. Оно разрушает мою собственную кожу в этот самый момент и кожу сидящей рядом со мной цыганки, хотя легко увидеть, что она зашла по этому пути куда дальше, чем я.

Мои ранние химические опыты в лаборатории в Букшоу подтвердили, что в некоторых случаях, например, когда железо воспламеняется в атмосфере чистого кислорода, окисление

– это волк, разрывающий пищу так жадно, что железо стораает. То, что мы называем огнем, – в действительности не более чем наш старый друг окисление, работающий под накалом страстей.

Но, когда окисление пожирает медленнее – более нежно, по-черепашьи – мир вокруг нас, мы зовем его ржавчиной и порой редко замечаем, как оно делает свое дело, уничтожая все – от спилек для волос до целых цивилизаций. Иногда я думаю, что если бы мы могли остановить окисление, мы бы остановили время и, возможно, смогли бы...

Мои приятные размышления прервал пронзительный крик.

– Цыгане! Цыгане!

Крупная рыжеволосая женщина в домашнем платье с пятнами пота под мышками выбежала, размахивая руками, из дома и устремилась через двор к нам. Рукава платья были закатаны, обнажая костлявые локти, как будто она готовилась к драке.

– Цыгане! Цыгане! Убирайтесь! – завопила она, и ее лицо стало таким же красным, как волосы. – Том, а ну иди сюда! Цыгане у ворот!

Каждый в Бишоп-Лейси отлично знал, что Том убрался давным-давно и вряд ли вернется. Женщина блефовала.

– Это вы украли моего ребенка, и не надо мне говорить, что не вы! Я видела, как вы тут шатались в тот день, и повторю эти слова в любом суде!

Исчезновение маленькой дочки Буллов несколько лет назад удивило всех, но постепенно неразгаданное происшествие отступило на задние страницы газет и стерлось из памяти.

Я бросила взгляд на цыганку, чтобы увидеть, как она держится под нападками громогласной обвинительницы. Она неподвижно сидела на своем месте, уставившись вперед, глухая ко всему миру. Эта реакция, кажется, привела крикунью в еще большее неистовство.

– Том, а ну иди сюда... и принеси топор! – завизжала она.

До этого времени женщина, похоже, не замечала меня, но теперь внезапно уставилась мне в глаза, и впечатление было драматическое.

– Я знаю тебя! – заорала она. – Ты из этих девиц де Люс из Букшоу, да? Я везде узнаю их холодные голубые глаза.

Холодные голубые глаза? Это стоит обдумать. Хотя отец часто замораживал меня на месте взглядом, я ни разу, ни на миг, не подумала, что и сама обладаю этим смертоносным оружием.

Я осознавала, конечно, что мы оказались в затруднительном положении, которое может вмиг стать угрожающим. Очевидно, что на цыганку нельзя было рассчитывать. Выпутываться из опасной ситуации придется мне.

– Боюсь, вы ошибаетесь, – сказала я, задирая подбородок и прищуривая глаза для пущего эффекта. – Меня зовут Маргарет Воул, и это моя двоюродная бабушка Джильда Дикинсон. Может, вы видели ее в кино? В «Алом коттедже»? В «Королеве луны»? Ну разумеется, как глупо с моей стороны: вы не признали ее в цыганском наряде, не так ли? И с толстым слоем грима? Простите, я, кажется, не расслышала ваше имя, мисс...

– Б-булл, – заикаясь, ответила женщина, слегка захваченная врасплох. – Миссис Булл.

Она уставилась на нас с крайним замешательством, как будто не верила своим глазам.

– Приятно познакомиться, миссис Булл, – сказала я. – Надеюсь, вы окажете нам содействие? Мы совершенно потерялись, видите ли. Мы должны были присоединиться к съемочной группе несколько часов назад в Мальден-Фенвике. Мы обе вполне беспомощны, когда дело касается направлений, не так ли, тетя Джильда?

От цыганки не было ответа.

Рыжеволосая женщина уже начала приглаживать влажные пряди волос.

– Идиоты вы, кто бы вы там ни были, – сказала она, указывая. – В этих местах нельзя развернуться. Тропинка слишком узкая. Вам придется ехать прямо до Доддингсли и затем возвращаться через Тенч.

– Ужасно благодарна, – произнесла я с непревзойденными интонациями деревенской дурочки, взяв поводья у цыганки и щелкнув ими.

– Джа! – крикнула я, и Грай сразу же тронулся.

Мы отъехали примерно на четверть мили, когда цыганка вдруг заговорила.

– Ты врешь прямо как мы, – заметила она.

Вряд ли я могла ожидать подобное замечание. Должно быть, она заметила удивленное выражение на моем лице.

– Ты лжешь, когда на тебя нападают ни за что... за цвет глаз?

– Да, – ответила я. – Полагаю, да. – Я никогда не думала об этом.

– Так что, – заявила она, внезапно оживившись, – ты врешь, как мы. Ты врешь, как цыганка.

– Это хорошо? – поинтересовалась я. – Или плохо?

Она медленно ответила:

– Это значит, что ты проживешь долгую жизнь.

Уголок ее рта изогнулся, как будто вот-вот должна была появиться улыбка, но она ее быстро подавила.

– Несмотря на разорванную звезду на моем холме луны? – не смогла удержаться я.

Ее трескучий смех застал меня врасплох.

– Мумбо-юмбо. Гадательная ерунда. Ты не купилась на нее, ведь так?

Смех спровоцировал очередной приступ кашля, и мне пришлось ждать, пока она восстановит дыхание.

– Но... женщина на горе... женщина, которая хочет вернуться из холода...

– Послушай, – сказала цыганка утомленно, как будто не привыкла говорить, – твои сестры подрядили меня на это дело. Намекнули о тебе и Харриет. Сунули мне пару шиллингов, чтобы я напугала тебя до смерти. Вот и все.

У меня кровь похолодела. Как будто кран, питающий мой мозг, внезапно переключили с горячего на холодный. Я уставилась на нее.

– Извини, если сделала тебе больно, – продолжила она. – Я вообще не хотела...

– Без разницы, – сказала я, механически пожав плечами. Но мне было не все равно. Мысли завертелись. – Уверена, я найду, как им отплатить.

– Может, я смогу помочь? – предложила она. – Месть – это моя работа.

Она морочит мне голову? Разве эта женщина только что не призналась, что она мошенница? Я пытливо посмотрела в ее черные глаза в поисках знака.

– Не надо на меня так смотреть. Я сказала, что мне жаль, разве не так? И я правду сказала.

– Неужели? – спросила я довольно нахально.

– Не надо дуться. В мире и так довольно обиженных, ни к чему пополнять их число.

Она права. Хоть я пыталась удержать уголки рта внизу, они дернулись и начали подниматься. Я засмеялась, и цыганка засмеялась вместе со мной.

– Ты напомнила мне то создание, которое было в палатке перед тобой. Настоящая грозовая туча. Сказала ей, что в ее прошлом что-то похоронено; сказала, что оно хочет выйти наружу, хочет, чтобы все исправили. Она вышла белая как мел.

– Почему? Что ты увидела? – спросила я.

– Деньги! – сказала она со смешком. – То же, что всегда. Парочку соверенов, если я правильно раскину карты.

– И ты это сделала?